

НОМИНАЦИЯ И РЕФЕРЕНЦИЯ КАК АРГУМЕНТЫ ИЛЛОКУЦИИ В ВЫСКАЗЫВАНИИ

Л. М. Минкин, И. С. Шевченко

*Харьковский национальный педагогический университет им. Г. Сковороды
Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина*

В статье представлены основные положения теории высказывания, учитывающей семиотический, формальный, денотативный, функциональный аспекты описания изучаемых объектов. Авторская версия сопоставляется с существующими теориями. Высказывание анализируется как конкретная речевая реализация системно-языковой препозитивной модели, номинирующей определенную синтаксическую схему.

1. ВЕДЕНИЕ

Функциональный подход к семантике языковых единиц, в частности, высказывания, был и остается актуальным в современной лингвистике. По мнению В. Г. Гака, «отношение между элементом плана выражения и элементом плана содержания, то есть отношение номинации (референции)» является базовым в устройстве и функционировании языка [7: 9].

Большой исследовательский интерес породил и большое количество разногласий в вопросе о номинации и референции применительно к слову, и еще более острого — к высказыванию. Это не удивительно, поскольку постулирование различий между предложением и высказыванием, предполагающее признание языка и речи в качестве двух объектов лингвистической реальности, основывается, прежде всего, на номинативных и референтных функциях высказывания; а их недостаточное разграничение и теоретическое осмысление затрудняет изучение дискурсивных свойств высказывания. Это обусловило выбор основной цели данной статьи — рассмотрение этих функций высказывания в контексте системно-функционального подхода с учетом интегративных отношений структуры, семантики и прагматики составляет

2. ПРЕДЛОЖЕНИЕ / ВЫСКАЗЫВАНИЕ В ТЕОРИИ ЗНАЧЕНИЯ

Несмотря на некоторую неопределенность термина «высказывание», оно в большинстве случаев рассматривается в качестве основной единицы дискурса. В современной лингвистической литературе высказывание, с одной стороны, употребляется как синоним речевого акта (далее — РА), с другой, для обозначения речевого произведения в

контексте РА [23: 29]. Хотя высказывания принято понимать как актуализированное предложение, т.е. предложение, употребленное в реальной ситуации [16: 229], во многих случаях вместо высказывания рассматривают предложение в контексте РА. В этом проявляется некая половинчатость в использовании терминов «предложение» и «высказывание». Ср.: «...то, что они (лингвисты) изучают как предложение, есть в сущности какой-то гибрид предложения (единицы языка) и высказывания (единицы речевого общения)» [4: 253]. Высказывание, как правило, трактуется в ракурсе истинности / ложности, с одной стороны, и как актуализация виртуального смысла предложения, с другой: по М. М. Бахтину, это центральная единица речи (дискурса), «которая имеет непосредственное отношение к действительности и к живому говорящему (субъекту) <...>. Только высказывание может быть верным (или неверным), истинным, правдивым (ложным)...». Предложение, единица языка, не имеет автора и содержит только потенциальные схемы возможного структурирования в речи соответствующих высказываний [Бахтин там же]. Высказывание и предложение, будучи различными по семантическому объему, являются разными воплощениями одной сущности¹.

Во многих случаях изначально постулируется различие между терминами «номинация» (означивание) и «референция». Так, Л. Линский пола-

¹ «Псевдопредложение», которое принадлежит системе языка [11: 185—187], по сути, является редуцированной абстрактной конструкцией предложения-высказывания речи, его моделью. Это результат операции сведения «бесконечных» высказываний речи к конечному обобщенному образцу в системе языка. Наличие же в речи односоставных, неполных (на фоне полных), сегментированных и др. высказываний связано, прежде всего, с их субъективизацией в речи, с возникновением имплицитных компонентов, с их смысловой идентификацией в качестве самостоятельных синтаксических единств и т.д.

гает, что первый выражает двуместное отношение между языковым выражением и обозначаемым объектом, второй предполагает трехместное отношение, поскольку третьим компонентом является говорящий, субъект референции². Поэтому функция референции свойственна только высказыванию [цит. по 23: 11].

Что касается номинации, то, как подчеркивает М. П. Кочерган, что специфической особенностью языкового знака является несовпадение планов выражения и содержания [15: 176]. Это обусловлено тем, что будучи оригинальной знаковой системой, язык отличается двойным модулем существования. Знаки естественного языка имеют двойную соотнесенность с предметным рядом: «1. В качестве номинативных знаков [...], 2. В качестве или составе предикативных знаков — фраз, высказываний — в актуальной речи...» [30: 8]. Номинативный аспект высказывания формируется на основе знаков первичного сигнификативного означивания. Как актуальная (речевая) единица высказывание осуществляет двойное (сигнификативно и денотативно) означивание (номинацию) событий, ситуаций внеязыковой действительности.

Э. Бенвенист подчеркивает, что «для нужд анализа допустимо рассматривать две стороны (значения — Л. М., И. Ш.) знака по отдельности, но по отношению означивания знак всегда остается целостной единицей» [5: 87]. Однако в процессе двойной номинации обнаруживаются разные степени соответствия (согласования) сигнификативного и денотативного значений высказывания. Такое согласование возможно, поскольку сигнификативное значение (синтаксической модели языковой системы) является обобщенным отображением смыслового (денотативного) значения высказывания [19: 187].

Признавая смысловую двуплановость предложения (высказывания), Г. А. Золотова различает лексико-синтаксическую и структурно-синтаксическую номинацию. «Лексико-синтаксическая номинация использует синтаксические средства ради собственно номинации, структурно-синтаксическая номинация обращена на службу синтаксису, результатом становятся синтаксемы: виртуальные единицы с их функционально-синтаксическими потенциями...» [12: 83]. Содержание подобных потенций конвенционально и включает, в

частности, общие представления о возможной номинации высказываниями референтных ситуаций. Это проявляется в том, что одни модели допускают изменение иллокутивного значения в соответствующем высказывании, другие — нет. Так, вопрос “Vous avez l’heure?” может значить запрос о времени или о наличии часов как таковых. В сложном высказывании типа «Continuez, vous ne me convaincrez pas (= même si)” повелительная форма глагола неизменно используется для выражения логических отношений, чаще всего условия или уступки.

Таким образом, на уровне языковой системы возможно выделяются (по терминологии В. Г. Гака [6: 307]) первичные и вторичные значения, а, следовательно, и различия в номинативной и потенциальной референтной семантике (о содержании последней см. [35: 23; 44: 126]). Одновременно с совершением пропозиционального (номинативного) акта, когда конкретизируется референтная семантика «мы совершаем референциальный акт. Наша цель состоит в том, чтобы слушающий понял не только то, что мы говорим, т.е. нам нужно, чтобы наша речь выполняла некоторую особую функцию <...>, чтобы в результате понимания нашего сообщения и сопоставления ему референциального значения слушающий был побужден к изменению своих представлений...» [9: 123—124].

Для обозначения явления продуцирования высказывания Э. Бенвенист использовал термин “énonciation” [5: 312]. «В высказывании мы последовательно выделяем самый акт ситуации, в котором он реализуется, средства его осуществления» [там же: 319].

Само высказывание является продуктом речевого акта: оно представляет содержание (énoncé) и результат его продуцирования (énonciation), которое осуществляется в конкретный момент в заданном контексте [41: 116—117]. Материальной основой изучения РА / высказывания — процесса является высказывание — результат, что само по себе представляет методический парадокс. Отметим, что Э. Бенвенист разрабатывал теорию высказывания применительно к французскому языку. «По-русски принято его (énonciation — Л. М., И. Ш.) переводить как “акт высказывания” или просто высказывание, что ведет за собой трудности, когда его приходится противопоставлять термину énoncé, который иногда переводится как “высказывание” или «высказывание-результат» [26: 15]. Очевидно, идея разграничения в высказывании двух аспектов может быть исполь-

² Отношение наименования тоже иногда признаются как имеющие трехчленную структуру, поскольку не исключается носитель языка.

зована на материале других языков, которые по-разному организуют «формальный аппарат высказывания» [5: 311—319].

По поводу терминологии отметим, что в «строгой» теории не упоминается ни о предложении, ни о фразе, которые, однако, подчас использовались и продолжают использоваться недифференцировано, в этом случае предпочтение все-таки отдается термину «фраза» [42: 5—16]. Ряд исследователей, несмотря на разграничение высказывания — результата (*énoncé*) и высказывания — процесса (*énonciation*) полагают, что термин «фраза» пригоден для обозначения всех пунктуационно ограниченных синтагматических конструкций в письменной речи [32: 37]. По мнению М. Д. Жинест, фраза представляет наименьшую единицу дискурса и соответственно минимальную единицу ментальной информации [41: 48—51]. Ж. Клейбер считает, что традиционное определение фразы не учитывает наличие в ней ментальной дискурсивной информации подобно тому, как и принятые дефиниции клаузы и периода [41: 22].

Неоднозначные подходы к пониманию фразы осложняют толкование некоторых положений теории высказывания. Наиболее аргументирована, по нашему мнению, точка зрения О. Дюкро, считающего, что фраза как единица языка имеет внеконтекстуальную значимость, в то время как для ее конкретного воплощения (*énoncé*) характерно значение [36: 314—315]. Напротив, отдельные лингвисты полагают, что такое разграничение фразы и ее значимости и высказывания и его значения не прозрачно, поскольку сам термин «фраза» многозначен (ср.: простая и сложная фраза, глагольная и номинальная фраза и т.д.) [46: 24]. Позиция О. Дюкро более привлекательна, поскольку ученый изначально определил содержание термина «фраза», а не ссылается на традицию. Рассматривая отличительные черты *énoncé* и *énonciation*, О. Дюкро анализирует высказывание: *Sa lettre m'a étonné*. Само номинированное событие (номинативная семантика) — это высказывание — результат, при его продуцировании (фаза *énonciation*) оно индивидуализируется (субъективизируется): говорящий осуществляет автореференцию — он «сопоставляет» свое представление с содержанием высказывания — результата. Это составляет специфику акта референции, но в части интерпретации высказывания только адресантом.

Сопоставление этих положений о высказывании как языковом знаке с толкованием фразы и высказывания О. Дюкро показывает, что в качест-

ве обобщенной единицы языковой системы следует признать не внеконтекстуальную лексико-грамматически оформленную фразу, а пропозитивную модель, представляющую смысловой концепт, для которой характерно сигнификативное значение — значимость модели. Воплощение этих моделей в высказываниях (*énoncés*) начинается в процессе номинации денотативной ситуации, которая осуществляется вместе с актом референции, но первая условно характеризует высказывание — результат, вторая относится к моменту продуцирования высказывания.

В высказывании — результате зафиксирован факт номинации, благодаря которой становится возможной идентификация участников коммуникации и локализация высказывания во времени и пространстве.

3. НОМИНАТИВНАЯ И РЕФЕРЕНТНАЯ ФУНКЦИИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

С точки зрения прагматики, пропозициональные (номинативные) и референциальные акты являются аргументами иллокутивного акта [9: 123], осуществляемого в ходе взаимодействия между коммуникантами. Функциональная общность номинации и референции заключается в их одновременности при продуцировании высказывания. Вместе с тем, важно разграничить потенциальную референтную семантику соответствующей конвенциональной модели высказывания в системе языка и семантику конкретного высказывания, а также референциальный акт, который осуществляет говорящий в речи. При ближайшем рассмотрении номинации и референции термины «референтная семантика» и «пропозитивная семантика» оказываются, по сути, синонимами, поскольку оба названия предполагают результат пропозитивного (номинативного) акта, когда осуществляется переход от обобщенной (потенциальной) номинативной семантики конвенциональной модели языковой системы к конкретной речевой: в акте референции соотносятся представления автора высказывания с содержанием конкретного номинированного значения всего высказывания или его компонентов.

Ряд ученых считают, что условием успешности **акта референции** является совпадение конкретной референтной (номинативной) семантики высказывания и референтного представления говорящего [45: 127]. При этом непременным условием является «принцип доверия», которым руководствуется говорящий в общении с собеседником. Толкование успешности акта референции как соответ-

ствия номинативной семантики высказывания представлению говорящего, по сути, совпадает с тем, что называют актуализацией. «Актуализировать понятие значит отождествить его с реальным представлением говорящего субъекта» [3: 87]. Речь идет об одном акте — референции и актуализации, но только в случае кодирования и продуцирования высказывания говорящим. Это связано с тем, что актуализация осуществляется говорящим. Вместе с тем, если рассматривать акт референции не только со стороны говорящего, но и его собеседника, то следует признать, что успешность такого акта предполагает совпадение оценки, мнений и т.д. коммуникантов о номинативной семантике высказывания [33: 9], когда важную, если не определяющую роль, играют фоновые знания коммуникантов, содержание ситуации общения и т.д. Они важны для того, чтобы выяснить, а затем оценить и сопоставить реальный предмет речи со своим представлением о нем, особенно, когда речь идет о двояком толковании значения языкового выражения.

Сравним, например, оба значения сочетания *l'histoire de Pierre — l'histoire qui raconte Pierre* или *l'histoire qui parle de Pierre*. Определить их содержание (история самого Пьера — история, рассказанная Пьером) лишь на основании номинативной семантики без учета контекста, как правило, невозможно. Вместе с тем, когда, например, обсуждается референтная семантика высказывания *Il pleut*, которое само представляет условие истинности, его содержание трактуется некоторыми учеными как истинное, если действительно идет дождь [16: 334]. Однако представление адресата может не совпадать с реальностью, например, в случае иронии. Следовательно, при анализе акта референции необходимо принимать во внимание не только степень соответствия номинативной семантики и представления говорящего, но и его собеседника по поводу содержания высказывания в заданной ситуации.

Истинность высказывания определяется также не только относительно говорящего и слушающего, но и в рамках определенного универсума. Поэтому, если не принимать во внимание рассуждений об (абсолютной) истине в таких очевидных суждениях, как, например, о вращении Земли вокруг Солнца, то по отношению к фактам речи истину следует трактовать как релятивистское (относительное) понятие. Его конкретное содержание зависит прежде всего от коммуникативных намерений общающихся. «Самый факт использования и присвоения языка отвечает потребности говорящего ус-

тановить посредством речевого общения некоторое соотношение, референцию с реальным миром, а у партнера по коммуникации создает возможность установить тождественную референцию в той прагматической согласованности, которая делает из каждого говорящего собеседника» [5: 313—314]. Именно в этом случае взаимодействуют основные функции, представляющие компоненты содержательной структуры высказывания, которые называет Р. Якобсон: когнитивная, денотативная (номинативная), референтная. Когнитивный компонент содержания высказывания представлен прежде всего пропозициональной конструкцией (ср.: «Большая часть нашего знания, — пишет Дж. Лаккофф, — имеет форму пропозициональных моделей...» [18: 339]). «Основные стратегии в понимании текста или дискурса связаны с пониманием определенной пропозициональной структуры и со способом ее превращения в ту или иную языковую форму — предложение или производное слово в реальном дискурсе» [17: 335—336].

В акте **номинации** осуществляется означивание как пропозициональной структуры, так и аксиологических составляющих высказывания, благодаря этому «мы узнаем о мнениях говорящих или об их отношении к обозначенному» [17: 339]. По сути, речь идет об акте референции в рамках единого речемыслительного процесса, когда пропозитивные конструкции объективизируются определенными языковыми средствами. Однако до сих пор остается дискуссионным вопрос о том, *является ли высказывание (предложение) знаком, который способен осуществлять определенную номинацию*. Наиболее мотивирована точка зрения В. Г. Гака: «Номинативная функция предложения выражается в том, что оно служит средством обозначения <...> ситуации, отрезка действительности, охватывающего предметы, их признаки и проявления, отношения между ними» [6: 542] (где термин «предложение» используется в значении «структурная схема, модель» [там же: 543]). В языковой системе подобная модель как обобщенное представляющее знака имеет сигнификативное значение. «Содержательная сторона высказывания образует денотат предложения — представление о конкретном акте речи» [там же: 543]. Подчеркивая знаковый характер предложения, С. Д. Кацнельсон отмечает, что каждая единица речи отвечает единице языкового строя [14: 611] Э. Бенвенист пишет, что в центре изучения смысла высказывания — «проблема передачи значений в языке, которая подводит к теории знака и анализу означивания (significance)» [5: 313].

Итак, когда речь идет о предложении как абстрактной внеконтекстуальной конструкции, то, очевидно, ее надо рассматривать как модель языковой системы с сигнификативным значением, представляющем соответствующую пропозицию — синтаксический концепт, который является частью семантического пространства языка [24: 82]. При этом важно иметь в виду принцип подчинения значения как речевого проявления знака значимости, которая свойственна знаку в системе языка. (Именно этот принцип рассматривается некоторыми учеными как ядро сосюрковского переворота в языкознании [1: 141]).

Чтобы избежать неопределенности в толковании термина «пропозиция» надо иметь в виду, во-первых, что он обозначает «чисто смысловой концептуальный набор компонентов, которые говорящий стремится вербализовать» [24: 79], во-вторых, что «пропозиции, зафиксированные конкретными словоформами, становятся языковыми категориально-системными пропозициями» [там же]. Обобщение категориально-системных пропозиций представляет основное содержание сигнификативного значения (точнее, значимости) соответствующих синтаксических моделей системы языка, которые во многих случаях называют предложениями (вернее, их структурными схемами). Высказывание содержит пропозицию, т.е. определенную лексически наполненную позиционную схему, которая отражает денотативную ситуацию (ср. выше определение В. Г. Гака). В этом случае речь идет о характеристике высказывания со стороны его номинативных функций.

Вместе с тем ряд ученых, таких как Б. Рассел или его ученик Л. Витгенштейн, не приняли введенного Фреге различия смысла и референта на том основании, что предикат «не передает никакой истинной информации о понятии, а предложение ничего истинного не сообщает о своем истинностном значении <...> Фреге настаивает на том, что следует отличать мысль, выраженную в предложении, и утверждение этой мысли <...> Указанное различие между мыслью, или содержанием (или как сегодня многие философы называют ее пропозицией) и утверждением данной пропозиции является очень важным...» [27: 9]. При этом существенным представляется, что установление референции некоторой единицы (высказывания — Л. М., И. Ш.) можно представить в виде действия, которое осуществляется в акте ее произношения [там же: 14]. Поэтому, по мнению Д. Девидсона, «истину можно считать не свойством предложения,

а свойством высказываний (utterances) или речевых актов ...» [10: 67], в которых осуществляется референция.

Сегодня проблемы номинации и референции решаются в новых парадигмах знаний. Так, изучая когнитивную модель дискурса, О. Йокояма говорит о «референциальном знании», явно имея в виду содержание номинированного события (ситуации), например, в утверждении «Это — Женя Семенова» [13: 128]. Отождествление терминов возможно, в частности, объяснить тем, что номинация и референция проявляются почти одновременно при продуцировании высказывания, хотя номинация и выступает аргументом референции. В действительности процесс номинации состоит из нескольких этапов, где конечный (результативный) синхронно совпадает с актом референции. Для того, чтобы избежать терминологического совпадения номинации и референции предпочтительней использовать термины В. Г. Гака «номинатор», под которым подразумевается языковая единица, которая осуществляет обозначение, и «номинант» для того, что номинируется [30: 279].

Ряд ученых сознавали необходимость разграничить референцию «как соотнесение и соотнесенность языковых выражений с внеязыковыми объектами или ситуациями [23: 244] Е. В. Падучева, ссылаясь на мнение ряда лингвистов (Стросона, Серля, Лински), пишет: «Референция как действие (соотнесение) осуществляется говорящим: это отдельная составляющая речевого акта. Референция как результат (соотнесенность) — это отношение, в которое вступают языковые выражения в контексте речевого акта» [там же]. Именно референция как результат предполагает, что номинаторами (языковыми выражениями) могут быть номинанты-объекты и ситуации окружающего мира.

Сам акт референции мыслится как интенциональный коммуникативный, интерактивный процесс. Референция как действие организует интенциональную направленность того, что номинируется.

Кроме функциональных различий между номинацией и референцией, на пространстве неизмеримо краткого «оперативного времени» подготовки речевого акта, включающего три этапа: мыслительных операций, языка и речи [38: 267], эвристически можно представить, что процесс номинации начинается на этапе языка выбором соответствующей пропозитивной модели и заканчивается на речевом этапе, когда пропозитивная схема наполняется лексически и грамматически.

Завершение номинации совпадает с моментом референции, интерпретации, включающим и оценку говорящим содержания высказывания при его продуцировании. Другими словами, номинация и референция фактически «проявляются» в момент высказывания с той разницей, что номинация (номинативная семантика) представляет содержание (*énoncé*) и результат его продуцирования (*énonciation*).

Кроме того, при интервербальных контактах явления номинации и референции связаны с процессами кодирования и декодирования содержания высказывания. Адресант, кодируя, производит операцию номинации, а затем референтно интерпретирует информацию; адресат при декодировании информации, производит ее деноминацию, а затем референтную оценку. В процессе номинации высказывания проявляется характер восприятия адресантом денотативной ситуации. Адресат, по идее, должен реагировать именно так, как делает это адресант для достижения успешности коммуникации. В конечном итоге, как было отмечено, номинация и референция представляют аргументы для иллюстрации как адресанта, так и адресата. При этом «оценка «ложно» направлена на речь другого, а оценка «истинно» на высказывание самого говорящего или лица его круга <...> концепт правды (в отличие от истины) связан с личностным (авторским) и адресованным текстом, включенным в поток текущей жизни» [2: 611].

При кодировании и декодировании высказывание последовательно присваивается и индивидуализируется адресантом и адресатом. Для их взаимопонимания важна адекватная интерпретация коммуникантами иллюкутивного значения высказывания, поскольку оно может быть синонимичным и полисемичным. Синонимия возникает между различными формами выражения тождественной иллюкутивной направленности высказывания:

Ferme la fenêtre — Il y a des courants d'air = Il fait froid.

Такую передачу иллюкутивного значения другим высказыванием называют «прагматической перифразой» [40: 210]. При полисемии одно высказывание в зависимости от прагматической интерпретации говорящим может передавать несколько иллюкутивных значений:

La lampe de la cuisine est cassée, répare-la (констатация — просьба).

Иллюкутивная (референтная) синонимия и полисемия высказывания не совпадает с его номинативно-семантической синонимией и полисемией.

Иллюкутивная синонимия и полисемия характеризуют высказывание как единицу речи (дискурса). Явления иллюкутивной синонимии и полисемии высказывания — это его прагматические характеристики.

4. РЕФЕРЕНЦИЯ В ИНТЕГРАТИВНОЙ И РАДИКАЛЬНОЙ ПРАГМАТИКЕ

Рассмотрение высказывания в контексте теории семиотической (интегративной) и радикальной (когнитивной) прагматики [19: 102—103] имеет свои особенности. Несмотря на принципиальные расхождения прагматика трактуется не столько как интенция, сколько «как глобальные стратегии коммуникативной деятельности людей <...> Прагматика представляет собой и самый высокий уровень при конструировании высказывания» [29: 58, 59].

Интегративная прагматика предполагает тесное взаимодействие семантики и прагматики, при этом сохраняется ведущая роль последней. Комментируя точку зрения Н. В. Никитина, А. А. Худяков отмечает, что «между семантикой и прагматикой отсутствуют разграничительные линии: семантика прагматизируется, прагматика семантизируется. Под прагматизацией семантики автор (Н. В. Никитин) имеет в виду ее субъективизацию...» [29: 55—56]. В целом субъективизация пронизывает структуру, содержание и стратегии.

С позиции интегративной прагматики семантика включает значимость фразы и значение высказывания. При таком подходе к семантике высказывания соответствующее сигнификативное значение пропозитивной модели языковой системы, естественно, не упоминается. Вместе с тем, разграничив высказывание как продукт и процесс, Ж. Анскомбр и О. Дюкро подчеркивают, что прагматика определяет отношение говорящего к тому, что он говорит в определенной ситуации; а также связывают функцию прагматики с высказыванием — процессом, с речевой деятельностью говорящего [31: 18—36]. Если согласиться с тем, что прагматическое планирование «задает» изначальный стратегический вектор конструирования высказывания, а «семантическое планирование» отвечает за решение более частных, тактических задач речевого производства [29: 59], то есть основания полагать, что первое свойственно всем этапам подготовки РА — высказывания: этапу мыслительных операций, языковому и речевому. При этом взаимоотношение компонентов прагматики и семантики в значимости пропозитивной модели системы языка статичны, а в высказывании речи — динамичны [21: 99].

В теории радикальной прагматики последняя рассматривается как центральная область поля мышления, в которой «перерабатывается» лингвистический материал, занимающий периферию этого поля. В таком когнитивном модуле прагматика играет роль внешнего компонента по отношению к языку; именно для нее характерны интерпретативные функции [45: 141].

Как единица когнитивной информации каждый концепт соответствует какому-либо адресу в памяти, под которой хранится самая разнообразная информация: логическая, энциклопедическая, лексическая. Контекст, в котором анализируется высказывание состоит прежде всего из когнитивного окружения участников коммуникации. Для индивида такое окружение — это совокупность очевидных для него фактов, которые он способен осознать как истинные или возможно как истинные. В когнитивном окружении (контексте) всякая очевидная гипотеза находит признание коммуникантов. Другое дело, например, отношение к очевидному факту. Так, если оба собеседника находятся в комнате, в которой стены выкрашены в синий цвет, они признают (истину) правду по поводу цвета стен. Однако, один из собеседников, произнося следующее: *Je ne supporte pas le bleu*, делает возможно очевидным тот факт, что он не выносит синего цвета. В этом случае речь идет не об опровержении очевидного факта, а об оценке его восприятия, которая для говорящего является истиной и которую он сообщает собеседнику.

Подобная оценка восприятия могла быть и другой. Существует определенная проблема выбора передаваемой информации, который регулируется принципом соответствия или уместности (*le principe de persistance*). Предполагается, что говорящий продуцирует высказывание наиболее уместное в определенных обстоятельствах. Сам по себе принцип уместности не гарантирует успеха коммуникации, он лишь указывает на основания, по которым партнер по коммуникации соглашается обсуждать адресованную ему информацию.

Дескрипция и интерпретация пропозициональной формы высказывания представляют два этапа реализации принципа уместности. Дескрипция — это, по сути, результат номинации события средствами языка, которая реализуется в высказывании. Интерпретация его содержания, которая вписывается в парадигму многоэтапной переработки информации, основывается на определенных прагматических пресуппозициях.

Первичная интерпретация мысли говорящего воплощается в пропозитивной форме, затем следует дескрипция языковыми средствами и т.д. Интерпретация высказывания зависит от контекста, при этом уместность мыслится как сравнительное понятие, в значительной мере зависящее от контекстуального эффекта (*effet contextuel*) и степени доступности (*cout de traitement*). Высказывание и контекст в своей совокупности создают предпосылки для прагматической интерпретации.

В механизме интерпретации важную роль играет сопоставление соотносительных эксплицитных и имплицитных высказываний. Так, если говорящий произносит ложное высказывание, и сам это осознает, он стремится убедить собеседника, что это высказывание правдиво. При этом сам говорящий способен сформулировать соответствующее подлинно правдивое высказывание [45: 117—118], ср.: *Marie, qui a soixante ans, répond à une question de Lucie sur son âge: “J’ai quarante-cinq ans”*. Отвечая на вопрос Люси, Мария, естественно, знает сколько ей (Марии) лет.

Разграничение дескрипции (номинативного) и интерпретативного уровней высказывания в теории когнитивной прагматики обуславливает двоякое толкование референции:

1) фактически как номинативной функции языковых средств, в частности, дейктиков [8: 116—117];

2) как “референтного акта” при реализации интенции говорящим [45: 117—121].

В этом случае, если исключить использование термина «референция» как синонима термина «номинация», то референтный акт рассматривается все-таки с позиций говорящего. Отсутствует указание на признание истинной (правдивой) и ложной информации собеседниками, что обеспечивает или не обеспечивает успех их коммуникации.

Характерно, что ложные и правдивые высказывания в основном представлены повествовательно-утвердительными структурами. Побудительное предложение, по мнению Э. Бенвениста, не денотативно, оно «не имеет целью передать то или иное содержание, оно имеет прагматический характер и стремится воздействовать на слушателя», а в связи с отсутствием в побудительных конструкциях финитного глагола они не могут быть названы «высказываниями» [5: 309]. Вместе с тем, в побудительных конструкциях называется действие, а иногда и адресаты, разного рода обстоятельства и т.д. Кроме того, в сложносочинен-

ных и бессоюзных сложных высказываниях побудительные предикативные части могут передавать не свое основное значение, а отношения условия: *Donnez-moi le livre (et) vous serez libre*. Поэтому вопрос о коммуникативной семантике и прагматике побудительных конструкций требует дополнительного изучения.

Обе теории прагматики — семиотическая и когнитивная — несмотря на существенные расхождения, нацелены на всестороннюю характеристику высказывания. По сути, обе теории дополняют друг друга. Составляющие интегративной прагматики дополняются их когнитивным толкованием. Так, пропозитивная форма рассматривается как интерпретация определенной мысли говорящего, то есть представление соответствующей модели языковой системы со стороны ее ментального содержания. Разграничение дескрипции и интерпретации, как было отмечено, коррелятивно в основном актам номинации и прагматизации (включая и референцию) высказывания. Наконец, чрезвычайно важна регулирующая роль принципа уместности, целью которого является оптимальное соответствие высказывания семиотическому и когнитивному контекстам. В каждом высказывании содержится информация о таком соответствии.

Отдельные ученые рассматривают принцип уместности среди основных законов дискурса (*les lois du discours*) [43: 20—21]. При этом отмечается, что говорящий постоянно стремится найти у собеседника (реального или предполагаемого) подтверждение имплицитной информации о соответствии высказывания. Так, высказывание: *L'attentat d'Hébron a soligné l'urgence d'un accord israélo-palestinien* (*Le Monde*, 3.02.1997) мыслится как уместное в контексте событий на Ближнем Востоке, но не с точки зрения событий, номинированных в высказывании, а с точки зрения комментария к этим событиям. Последние аргументируют необходимость мирных соглашений. Адресант (журналист) естественно принимает во внимание когнитивный контекст — фоновые знания адресата (читателя) о Ближневосточном конфликте и рассчитывает, что он разделяет эту точку зрения. Поэтому, акт референции (оценка коммуникантами события и аргументируемых ими последующих действий) прогнозируется как успешный. Такой подход к толкованию дискурсивного закона уместности дополняет соответствующий принцип, который в теории когнитивной прагматики рассматривается в процессе интерпретации высказываний.

5. ВЫВОДЫ

Подводя некоторые итоги, отметим:

1. Высказывание является сложным лингвистическим знаком, представленным в системе языка пропозитивной моделью, номинирующим соответствующую синтаксическую схему. Сигнификативное значение — значимость такой модели «аккумулирует» потенциальные свойства, которые реализуются в конкретных речевых высказываниях. При этом важно определить порог, за которым релевантны не системные, а речевые признаки высказывания. Другими словами, необходимо различать постоянные (языковые) и переменные (речевые) признаки высказывания.

2. При разграничении высказывания — результата и высказывания — процесса лишь первое представляет реальную синтаксическую структуру, в которой отражены все особенности номинации, а также субъективной и пространственно-временной референтной ориентации высказывания. Акт номинации и акт референции в конечном итоге реализуются в высказывании в момент его продуцирования. Вместе с тем начало процесса номинации относится к языковому этапу на пространстве оперативного времени подготовки РА. Временное и функциональное различие между двумя этими этапами позволяет рассматривать номинацию как аргумент акта референции. Последний, кроме ситуативной ориентации высказывания в субъектном и пространственно-временном планах, направлен в конечном счете на признание коммуникантами информации, содержащейся в высказывании истинной (правдивой) или ложной.

Акты номинации и референции представляют аргументы для иллокутивного акта, который может завершиться успешно или нет. Для акта иллокуции прямых и косвенных РА — высказываний релевантны результаты двойной номинации: (полного или частичного) соответствия / несоответствия значений структуры и смысла (денотативно-го содержания).

3. Постулирование взаимодействия прагматики и семантики, даже при их тесном взаимопроникновении, обуславливает разграничение номинации как компонента семантического плана и референции как явления прагматики. В целом прагматика задает изначальный стратегический вектор конструирования высказывания на основе глобальных стратегий коммуникативной деятельности людей.

4. В акте семиозиса синтезируются сигнификативное значение модели языковой системы, значения языковой формы высказывания и его денота-

тивное содержание. Изучение динамики такого синтеза открывает перспективы дальнейших исследований речемыслительной деятельности и предполагает определенные подходы и процедуры анализа высказывания, среди которых: системно-функциональная проблематика; ведущая роль прагматики по отношению к семантике в производстве и продуцировании высказывания; разграничение его двух аспектов — результативного и процессуального и в связи с этим дифференциация номинации (описания) и референции (интерпретации) как аргументов иллюстрации; анализ высказывания как конкретной речевой реализации системно-языковой пропозитивной модели, номинирующей определенную синтаксическую схему; использование прагматического принципа уместности при анализе организации языкового материала высказывания в связи с интенциональностью речи, возникновением контекстуальных эффектов и компенсации когнитивных усилий коммуникантов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арош П. Анри, Пеше М. Семантика и переворот, произведенный Соссюром: язык, речевая деятельность, дискурс // Французская школа анализа дискурса. — М.: ОАОИГ «Прогресс», 1999. — С. 137—157.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. — М.: «Языки русской культуры», 1999. — 886 с.
3. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. — М.: Изд. Инстр. Лит-ры. 1995. — 416 с.
4. Бахтин И.М. Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство. 1979. — 360 с.
5. Бенвенист Э. Общая лингвистика. — М.: Прогресс. 1974. — 445 с.
6. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет. — 2000. — 832 с.
7. Гак В.Г. Языковые преобразования. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. — 763 с.
8. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. — М.: Изд. Группа «Прогресс». — 1992. — 218 с.
9. Дейк Т.А. Вопросы прагматики текста // Текст: аспекты его изучения. Поэтика. Прагматика. Семантика. — М.: УРСС. — 1990. — 167 с.
10. Дэвидсон Д. Истина и интерпретация. — М.: Праксис, 2003. — 448 с.
11. Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. Изд. Московского ун-та, 1976 — 305 с.
12. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. — М.: Наука. — 1973. — 351 с.
13. Йокояма О.Б. Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. — М.: Языки славянской культуры, 2005. — 424 с.
14. Кацнельсон С.Д. Категории языка и мышления: из научного наследия. — М.: Языки славянской культуры, 2001 — 864 с.
15. Кочерган М.П. Загальне мовознавство. — К.: Вид. центр «Академія», 2003 — 464 с.
16. Кронгауз. Семантика. — М.: Рос. гос. гуманит. ун-т. — 2001. — 399 с.
17. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в понимании мира. — М.: Языки славянской культуры. 2004. — 540 с.
18. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. — М.: Прогресс. — С. 12—51
19. Минкин Л.М. Новая теория прагматики и некоторые идеи современной лингвистики. Вісник Харківського державного університету. № 390. — Харків: Константа, 1994. С. 101—104.
20. Минкин Л.М. Проблемы значения в теории языка и речи // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна № 471. — Харків: Константа. — С. 179—192.
21. Минкин Л.М. Системно-языковая обусловленность коммуникативных структур речи // Вісник Харківського державного університету, № 424. Харьков: Константа, 1999. — С. 95—100.
22. Николаева И.А. О логико-семантических работах современных французских лингвистов // Вопросы языкознания, 1987, № 6 — С. 78—90.
23. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). — М.: Эдиториал УРСС. — 288 с.
24. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. — Воронеж; 2002.
25. Сахно С.А. Приблизительное наименование в естественном языке // Вопросы языкознания. 1983, № 6. — С. 140—150.
26. Серю П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла. Французская школа дискурса. — М.: ОАО ИГ «Прогресс», 199. — 416 с.
27. Серл Дж. Р. Введение // Философия языка. — Ред.-сост. Дж. Р. Серл. — М.: Эдиториал УРСС, 2004, С. 6—22.
28. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. — М.: Прогресс, 1977. — 665 с.
29. Худяков А.А. Прагматика: переосмысление термина в свете новых лингвистических идей // Проблемы теории европейских языков, 10, СПб: Изд. «Тригон», 2001. С. 51—61.
30. Языковая номинация. Общие вопросы. — М.: Наука. — 1977. — 358 с.
31. Anscombre J.-Cl., Ducrot O. L'argumentation dans la langue. — Liège — Bruxelles: Ed. P. Mazdaga, 1988. — 184 p.
32. Bosredon B. Tamba I. Aux marges de la phrase écrite: Analyse d'unités typographiques autonomes. // L'information grammaticale, № 98, — 2003, P. 28—38.
33. Charolles M. La référence et les expressions référentielles en français — P.: Ed. Ophrys. — 2002. — 258 p.
34. Cornulier B. de. Effets de sens. P.: Ed. De minuit, 1985. — 212 p.

35. *Donnellan K.* Speaker refernce, descriptions and anaphora // *Contemporary Perspectives in the Philosophy of Language*. — Minneapolis: University of Minnesota Press. — 1979. P. 22—44.
36. *Ducrot A.* Dire et ne pas dire. — P.: Hermann, — 1991, — 327 p.
37. *Gineste M.D.* De la phrase à la proposition sémantique: un point de vue de la psychologie cognitive du langage // *L'information grammaticale*, № 98. — 2003, P. 48—51.
38. *Guillaume G.* Observation et explication dans la science du langage // *Langage et science du langage*. — P.: Librairie A.-G. Nizet. — Québec: Les Presses de l'Université Laval, 1969. — 269 p.
39. *Guillaume Y.* Leçons de linguistique. Psycho-systématique du langage. Principes, methodes et applications. Québec: Les Presses de l'université Laval; — Paris: Klincksieck, 1971. — 222 p.
40. Kebrat — Orecchioni C. L'énonciation. P.: A. Colin. 1999. — 267 p.
41. *Kleiber G.* Faut-il dire adieu à la phrase? // *L'information grammaticale*, № 98. — 2003, P. 17—22.
42. *Léon J.* Proposition, phrase, énoncé dans la grammaire: parcours historique // *L'information grammaticale*, № 98. — 2003, P. 5—16.
43. *Mangueneau D.* Analyser les textes de communication. — P.: Nathan, — 2000. — 211 p.
44. *Moeschler J., Reboul A., Luscher J.-M., Yavez J.* Langage et pertinence. — Nancy Presses Universitaires de Nancy. — 1994. — 301 p.
45. *Moeschler J., Reboul A.* Dictionnaire encyclopédique de pragmatique / P.: Ed. Du Seuil. 1994. — 562 p.
46. *Tamine G.* Phrase, proposition, énoncé etc. Pour une nouvelle terminologie // *L'information grammaticale*, № 98. — 2003, P. 23—27.